

ИМЯ ЛЮДМИЛА В СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В. И. Супрун*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Российская Федерация*

В статье анализируется история антропонима *Людмила* в славянских языках. Отмечается, что это женское имя используется во всём славянском мире, у всех народов *Pax Slavia*. В силу закреплённости в католическом календаре и православных святцах оно получило распространение и у других народов. В славянских языках антропоним имеет богатую палитру гипокористических и деминутивно-мелиоративных дериватов. Это имя носят многие известные личности в разных странах мира, прежде всего славянских. Имя используется в художественных и публицистических текстах, в фольклоре.

Ключевые слова: двусоставное имя, антропоним, Людмила, лингвокультура, славяне.

Двусоставные имена фиксируются у многих народов мира. Их истоки просматриваются в индоевропейском праязыке, что подтверждается продолжением традиции создания композитных имён в языках всех индоевропейцев. Известный польский лингвист профессор Ягеллонского университета Тадеуш Милевски (1906-1966) определил количество сохранившихся в источниках композитных имён в разных индоевропейских языках и их группах: санскрит – 865, авестийский – 180, древнеперсидский – 43, греческий – 1015, кельтские – 336, славянские – 220 [21]. Имена германских вождей и военачальников, представленные во многих хрониках, состоят из двух частей: *Theodoricus* < *Þeudō* ‘народ, племя’ + *Reikiz* ‘властитель, правитель’, *Gerhard* < *Ger* ‘копьё’ + *hard* ‘сильный, стойкий, отважный’, *Wolfgang* < *Wolf* ‘волк’ + *Gang* ‘путь’ и мн. др. [17, с. 28].

Известно, что многие древнееврейские имена состоят из двух частей, одной из которых является именование Бога [9; 6]. Регулярно представлены двусоставные имена в арабской антропонимии. Двусоставные антропонимы обнаруживаются в уральских, алтайских языках. Существование этой языковой фреквенталии позволяет высказать предположение о наличии тенденции к антропонимической композиции уже в ностратическом праязыке. Безусловно, важную роль играли также межъязыковое взаимодействие,

интерференция антропонимической модели из одной лингвокультуры в другую.

Детально изучены праславянские двусоставные антропонимы С. М. Толстой [18]. Л. Р. Остап выявила 85 антропооснов, употребляющихся в полной форме чешских композитных антропонимов: Blah-, Boh-/Bož-, Voj-, -boj, Bor-, -bor, Brat-, Břet-, Bud-, -bud, Čech-, Čest-/Čti-, Čist-, Dal-, Dan-, -dan, Dar-, -dar, Des-, Dobr-, Drah-, Duch-, -hněv, Hor-, Host-, -host, Hvězd-, Chot-, Chran-, -chval, Jar-, Kaz(i)-, Kras-, Křes-, Květ-, Lub-/Lib-, Lud-/Lid-, Lut- и мн. др. [11]. В. Венпель среди композитных имён (Vollnamen) серболужичан выделил 22 с конечным элементом -slaw, 6 – -bor, 4 –rad, 3 – -mil, по 2 – -mysl и -těch и по одному – -host, -ber, -bog и -mir [25, S. 67].

Видимо, композитные славянские имена, которые состояли из двух очевидных частей, могли легко разделяться на них и образовывать краткие формы (гипокористику). Сербский исследователь Р. Йовичевич предположил, что упомянутый в 789 году вариант имени князя (короля) лютичей (велетов, вильцев) *Дрого* был гипокористической формой от *Драговит* (Drogoviz) [19, с. 231], его сын также остался в истории с краткой формой имени *Люб*, вероятно, от полного антропонима *Любовой* [22, р. 110]. Этноним *лютичи* с характерным патронимическим суффиксом *-ич* можно возвести к антропонимам с начальным *Лют-*, которые встречались у славянском композитном именнике: известны сербские правители *Лютомир*, *Лютовид* [27]. В том же 789 году упоминается верховный князь союза племён ободритов *Дражко* (Thrasco) [12], имя которого содержало тот же корень *Драг-*, к которому был присоединён мелиоративный суффикс *-ьк-*, вызвавший первую палатализацию *g > ž.

Одной из причин сокращения двусоставных имен, превращения их в односоставные было использование антропонимов в ходе коммуникации в вокативной функции. Для славян наиболее удобной формой обращения стало двусложное слово с пенультимативным ударением, что привело к возникновению единиц лепетного языка рус. *мама, тятя, баба, деда, дядя, тётя*, белор. *мама, тата, дзеда*, серб. *мама, тата, ћаћа*, болг. *мама, чичо, леля*, чеш. *máma, táta, strejda, teta*, словац. *mama, ocko, strýko, teta* и пр., а также стало основой гипокористической деривации.

Для обращения из двусоставного имени вычленялась одна из частей, чаще первая, которая затем для повышения уровня интимности коммуникации могла присоединять к себе деминутивно-мелиоративные суффиксы: Путислав, Путимир > *Путя > Путята, Жьдислав, Жидимир > *Жидя > Жидята (епископ Новгородский Лука Жидята, 1030/1035-1059), Святослав > *Свята > Святоша (Николай Святоша, Святослав Давыдович Луцкий, около 1880 – 1143) и пр.

Сомнительным является разделение композитного антропонима не по морфемному шву; предположения о происхождении имён *Борис* < *Борислав*, *Вадим* < *Вадимир*, *Радим* < *Радимир* вряд ли состоятельны. Самостоятельность каждой части двусоставного имени чётко осознавалась славянами, из имени легко вычленились начальная или конечная морфема для использования в обращении. В данных случаях можно говорить о нестандартном антропонимическом суффиксе *-им*, используемом в кратких мужских именах для придания им двусложности. Популярное у восточных славян имя *Любим* (С. Б. Веселовский отмечает: «очень распространено» [4, с. 188]) могло быть образовано от имён с начальным и конечным корнем *Люб-/люб*: *Боголюб*, *Нелюб* [4, с. 42, 217], *Любомир* (ср.: фамилия Любомиров, топонимы Любомировка в России и на Украине), *Миролуб* (ср.: фамилия Миролубов, топонимы Миролубовка в России, Казахстане и на Украине) и др.

Эта простота и лёгкость разделения двусоставных имён на части стали в будущем моделью гипокористической деривации у славян. Она распространилась на пришедшие после принятия христианства имена из греческого, латинского, древнееврейского и других языков, но теперь на первое место выдвинулись не деривационные, а фонетические закономерности: в именах стали вычлениваться три (реже два) звука, к которым прибавлялся суффикс (позже ставший флексией) *-а/-о*, перед которым мог стоять суффиксоид *-ш-*: рус. Иван > Ваня, Ольга > Оля, Юрий > Юра, Михаил > Миша, Мария > Маша; болг. Иван > Ваньо, Тодор > Тошо, Петър > Пешо, Димитър > Митро и др.

Несмотря на общеславянский характер возникновения и функционирования двусоставных имён, у каждого народа были свои предпочтения по выбору того или иного антропонима. Близость славянских языков и культур народов позволяла легко переходить именам из одного сообщества в другое, но антропонимические традиции, своеобразная древняя и средневековая мода на выбор имён приводила к тому, что одни композитные имена были распространены преимущественно у западных славян, другие – у южных, третьи – у восточных. Так, имена с начальными *Kaz-*, *Květ-*, *Hvězd-* и др. были известны у западных славян, но не встречались у восточных и были редкими у южных. Имя *Володимѣрь* с исходным значением ‘владеющий мерой, знающий меру’ [16] первоначально, видимо, получило распространение у восточных славян, а затем стало популярным на всей территории *Rax Slavia*.

Западнославянское происхождением имеет имя *Людмила*. Оно было создано путём соединения основ *Люд-* и *-мл*. Первая основа имела в конце *ъ*, который после падения редуцированных в слабой позиции исчез. Она имеет субстантивное происхождение, представлена в апеллятивах чеш. *lud*,

соврем. lid, словац. ľud, польск. lud, укр. люд, рус. диал. люд ‘народ’, рус. *людь (ср. нелюдь), укр. людина, ц.-слав. людинь ‘человек’, плюральная форма люди / людзі / људи / lidé / ľudia / ludzie / ľjudje, ставшая супплетивной к *человек*. Этот корень входил в имена южных и западных славян: Людемысл / Людимысл / Людомысл, Людимир / Людомир, Людислав / Людослав [10, с. 115].

Второй корень адъективного происхождения регулярно входил в качестве первого или второго члена антропонимов на всём пространстве *Rach Slavica*: Вышемил, Вѣчемил, Вячемил, Гостимил, Далимил, Даромила, Милонѣг, Милисав, Милислав, Милосав, Милослав, Милорад, Радмил, Радимил; Богомил, Дорогомил, префиксальные образования Немил, Перемил, деминутивы от краткой формы Милена, Милнок, Милюта, Миляй, Милован и др. [10; 4].

Христианская церковь с первых веков своего существования тщательно собирала сведения о святых, записывая их жития в различных сборниках: минологиях, прологах, синаксарях, патериках. В IX веке в Византии разрозненные тексты были собраны в сборники, предназначенные для домашнего или келейного чтения, они получили название *Μηναια* (< *μηναιος* ‘помесячный’). При переводе на церковнославянский язык греческий библионим был заимствован, к нему было добавлено славянское существительное *четы* (от глагола ЧИСТИ, ЧЪТЖ, ЧЪТЕШИ [15, с. 779]), чтобы отличать их от богослужбных миней.

Первые Четы-Миней были переведены на церковнославянский язык, вероятно, в конце XI – начале XII веков в Царьграде по заказу новгородцев [1, с. 261]. В XVI веке архиепископ Новгородский Макарий, будущий митрополит Московский и всея Руси, создал Великие Четы-Миней, в которые были включены не только византийские тексты, но и созданные на Руси жития святых. В конце XVII – начале XVIII веков святой Димитрий Ростовский на основании Макарьевских Четий-Миней и труда болландистов *Acta Sanctorum* подготовил и издал в 1689-1705 годы 4 тома житий православных святых на церковнославянском языке.

Уже во второй половине XII века житие чешской святой Людмилы было известно на Руси. Оно было включено в так называемую пространную редакцию пролога. Вероятно, исходный текст был написан в Сазавском монастыре, где литургия велась на церковнославянском языке до 1092 года, после чего монахи были изгнаны, а монастырь был передан ордену бенедиктинцев, богослужение перешло на латынь. Предполагается, что этот монастырь имел контакты с Киево-Печерской лаврой. В житии святого Вячеслава сообщается, что его бабка Людмила отдала внука на обучение славянской письменности [23, с. 49]. После запрещения церковнославянской письменности в Сазавском монастыре часть книг попала в Киевскую Русь,

они были использованы Нестором при составлении Повести временных лет. На Руси были известны жития святого Кирилла-Константина и Мефодия, составленные в Великой Моравии: первое – до 880 года, второе – в 885 году. Русская летопись включает моравские источники: Сказание о преложении книг на словенский язык и Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров [14, с. 20].

Житие святой Людмилы было включено на день 16 сентября в Великие Четьи-Минеи Макария. Чехия была далеко, проверить сведения вряд ли было возможным, поэтому в первую строку в агиографический источник вкралась неточность. Людмила названа дочерью сербского князя: «бьяше отъ земля Сер'бския князя сер'бскаго д'щи». Имя Людмилы написано с выносным ером: Люд'мила [3, стлб. 1216]. Дмитрий Ростовский в 1-м томе своего сочинения значительно сократил текст Макарьевских Четий-Миней, всё житие вместилось в 4 строки. В нём опущено упоминание о Сербии, указано лишь то, что она «баба святого Вечеслава, князя Чешскаго» [5, л. 85 (ПЕ)]. На Руси в те времена мало знали о западнославянском народе серболужичанах, которые называли себя сербами. Более известны были сербы, живущие на Балканском полуострове, поэтому и Людмилу приписали к ним.

Людмила была дочерью Славибора (859-894), князя пшован (псован). Это небольшое племя серболужичан находилось в Чешской долине при впадении Влтавы в Лабу. Оно было окружено чешскими племенами, которыми в конце концов было ассимилировано. К югу от них располагались земли крупного племени чехов, в нём правил легендарный князь Гостивит, который решил женить своего сына Борживоя на дочери Славибора. Но свадьба состоялась только в 874 году, когда невесте исполнилось 14 лет. К тому времени Борживой уже был правителем Чехии. Он, видимо, был крещён при дворе князя Великой Моравии Святоплука. Позже в Праге святым Мефодием была крещена и Людмила. В столице Чехии была построена церковь святого Климента.

Младший сын Борживоя и Людмилы Вратислав был женат на Драгомире, дочери князя полабского племени стодорян Тугумира. Отношения между свекровью и снохой не сложились. Бабка воспитывала внука Вячеслава (Вацлава) в христианской вере, а сноха была язычницей. В конце концов Драгомира подслала к Людмиле убийц, которые 15 сентября 921 года убили княгиню. Разбойники задушили княгиню её же шарфом (увивалом [3, стлб. 1217]), поэтому на всех иконах святая Людмила изображается с белым шарфом на шее [7]. 28 сентября 935 года погиб от руки брата Болеслава и Вацлав. Вскоре он и его бабка Людмила были канонизированы, они являются святыми обеих ветвей христианства [20, с. 237; 24].

Жития святых Вячеслава и Людмилы были рано известны на Руси. Их сравнивали с русскими святыми равноапостольными Ольгой и Владимиром, тоже бабкой и внуком, но без трагической кончины обоих. Однако сначала их имена не получили широкого распространения у восточных славян. Если имя Вячеслав с вариантами Вачьслав, Вещеслав, Вечеслов, Вѣчеслав встречалось у некоторых жителей русских земель XIII-XVII веков [10; 4, с. 67, 76], то имя *Людмила* в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского не отмечено, а у М. Морощкина относится только в чешской святой и ещё одной жительнице Чехии (если не считать вариант *Людьмила* в подделанной В. Ганкой и Й. Линдой Краледворской рукописи) [10, с. 115].

О функционировании этого имени в западнославянской лингвокультуре свидетельствует история Польши. В 1148 году у великопольского князя Мешко III Старого из династии Пястов родилась дочь, которой дали славянское имя Верхуслава [26]. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский предполагают, что этот антропоним она получила в честь своей двоюродной тётки, дочери новгородского князя Всеволода Мстиславича, жены польского князя Владислава IV Кудрявого [8, с. 250-251]. Однако у этой княжны (впоследствии герцогини Лотарингской) было также имя Людмила, которое ей, вероятно, было дано в честь чешской святой при крещении.

В дальнейшем имя *Ludmila* употреблялось в европейских странах, его давали в католических и протестантских странах, весьма далёких от *Rex Slavia*. Его носили поэтесса XVII века графиня Шварцбург-Рудольфштадская (вариант *Ludamília*), немецкая писательница XIX века Ассинг (*Ludmilla*), албанская писательница и журналистка Пайо. Это имя стало популярным в Бразилии, там жила христианская певица Муриас Фербер Лино, в настоящее время так зовут бразильскую профессиональную футболистку да Силва и певицу Оливейра да Силва (*Ludmilla*), обе выступают только с именем, без фамилии.

В России стимулом к распространению имени Людмила послужила художественная литература. В начале XIX века в великосветских салонах обеих российских столиц было популярно произведение немецкого поэта, представителя литературного движения «Буря и натиск» Готфрида Августа Бюргера «*Lenore (Ленора)*» (1773), в основе которой лежала народная шотландская баллада «Клятва верности» из составленной Т. Перси антологии «Памятники старинной английской поэзии» (1765). Было также известно, что в 1796 году эта баллада была переведена на английский язык (начинающий писатель В. Скотт опубликовал свой перевод без подписи). В. А. Жуковский в 1808 году на основе этого сюжета создаёт свою балладу, в которой переименовывает героиню в Людмилу. Она ожидает, что жених вернётся «из далёких, чуждых стран с грозной ратнью славян».

Более известной стала другая баллада В. А. Жуковского, созданная по мотивам того же произведения Г. А. Бюргера, – «Светлана» (1812). Она стала популярной в стране, его начальные строки «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали: / За ворота башмачок, / Сняв с ноги, бросали» были известны любому школьнику. В 1831 году В. А. Жуковский в третий раз обратился к тексту баллады Г. А. Бюргера, на этот раз переведя её близко к тексту оригинала и озаглавив «Ленора».

А. С. Пушкин хорошо знал и высоко ценил творчество В. А. Жуковского, хотя и позволял себе порой иронизировать над ним. Он брал цитаты из произведений Василия Андреевича в качестве эпиграфов к повести «Метель» и к пятой главе «Евгения Онегина». Оба раза отрывки взяты из баллады «Светлана», но и первое переложение В. А. Жуковским баллады Г. А. Бюргера было знакомо А. С. Пушкину. Он взял из него имя для героини своей поэмы «Руслан и Людмила». Постепенно этот женский антропоним стал на слуху в русской лингвокультуре, им стали называть девочек. Так, 23 октября 1850 года в семье Дмитрия Прокофьевича Шелапутина (1802-1855) родилась будущая популярная писательница и автор первого словаря рифм русского языка Людмила Дмитриевна Шаховская.

Наибольшая популярность имени Людмила в русскоязычной среде приходится на первую половину и середину XX века. В эти годы родились известные русские деятельницы науки, искусства, культуры, спорта Людмила Зыкина (1929-2009), Людмила Белоусова (1935-2017), Людмила Гурченко (1935-2011), Людмила Черных (1935-2017), Людмила Вербицкая (1936-2019), Людмила Семенюта (1950), Людмила Турищева (1952), Людмила Карпенко (1953) и мн. др. Это же имя часто встречается в те же годы в Белоруссии, на Украине, в Казахстане и в других республиках СССР. В Болгарии получило распространение мужское имя *Людмил*, образованное от женского.

Антропоним *Людмила* имеет большое количество гипокористических и диминутивно-мелиоративных форм. Благодаря прозрачной деривационной структуре оно легко разделяется на две части: *Люд* и *Мила / Миля*. Первая часть в начале XX века фиксируется также с мягкой основой: *Людя* [2, с. 93, 97]. Отмечены также формы с суффиксоидами *Люся, Люля, Мика* [13, с. 191]. Обе основы и их суффиксоидные дериваты присоединяют регулярные уменьшительные суффиксы: *Людочка, Люсенька, Милочка, Людуня, Милуня, Людуся, Милуся, Лидуня, Милуня, Микуня* и др. При присоединении к полному имени суффикс *-ка* теряет фамильярно-уничижительную оценочность: *Людмила*.

В чешской лингвокультуре имя *Ludmila* сохраняет высокую частоту употребления, в Праге проживает 5308 женщин с этим антропонимом, в Брно – 2818, в Остраве – 2135. Особенно высокая частота употребления

этого имени отмечена в районах, граничащих со Словакией, там оно занимает 5-10 место среди всех женских антропонимов.

В чешском языке звук [u] после мягкого перешёл в [i]: *lud* > *lid*, *čuch* > *čich*, *junoch* > *jinoch* и др. В имени *Ludmila* в силу его закреплённости в культуре исторический звук сохранился, однако в дериватах закономерный фонетический процесс произошёл: *Lída*, *Lidka* (суффикс *-ka* во всех славянских языках, кроме русского, сохранил ласкательность). Встречаются также гипокористические и ласкательные дериваты *Lidunka*, *Lola*, *Liduška*, *Duška*, *Míla*, *Liduše*, *Lilina*, *Ludmilka*.

Итак, имя Людмила используется во всём славянском мире, у всех народов *Paṁ Slavia*. В силу закреплённости в католическом календаре и православных святцах оно получило распространение и у других народов. В славянских языках антропоним имеет богатую палитру гипокористических и деминутивно-мелиоративных дериватов. Это имя носят многие известные личности в разных странах мира, прежде всего славянских. Имя используется в художественных и публицистических текстах, в фольклоре.

Библиографический список

1. Афиногенов Д. Е. Новгородское переводное четье-минейное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал // *Abhandlungen zu den grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij: kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*. Bd 2. Freiburg im Breisgau: Weiher, 2006. S. 261-283.

2. Бонч-Бруевич В. Д. Знамение времени – убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса (Впечатления Киевского процесса). 2-е изд., пересмотр. И доп. Москва: Гос. изд-во, 1921. 200 с.

3. Великие Миней Четии, собранныя всероссийский Митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14-24. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1869. IVс., стлб. 673-1392.

4. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Москва: Наука, 1974. 382 с.

5. Димитрий Ростовский, свт. Жития святых. Книга первая: Сентябрь, октябрь, ноябрь. Киево-Печерская лавра, 1764. [репринтное изд-е]. Санкт-Петербург: Аксион эстин, 2009. 498 (УЧИ), 6 (S) л.

6. Древнееврейские имена, фамилии, колена: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Имена / Под общ. ред. В. Р. Ириной-Коган. Москва: Олимпия press, 2003. 589 с.

7. Ковалев-Случевский К. П. Святые Людмила и Вячеслав Чешские: жизнеописание и деяния. Москва: Бослен, 2017. 319 с.

8. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. Москва: Индрик, 2006. 904 с.

9. Малицкий М. Собственные имена у древних евреев и их религиозно-историческое значение // *Христианское чтение*. 1882. № 3-4. С. 284-596.

10. Морозкин М. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1867. 212 с.
11. Остап, Л. Р. Слов'янські автохтонні власні імена в чеському антропоніміконі: автореф. дис. <...> канд. філол. наук. Київ, 2004. 17 с.
12. Павинский А. И. Полабские славяне в борьбе с немцами: VIII-XII вв. Москва: ЛИБРОКОМ, 2015. 178 с.
13. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. 4-е изд., доп. Москва: Русские словари, 1995. 414 с.
14. Свердлов М. Б. К истории великоморавской культурной традиции на Руси конца XI – начала XII вв. // Петербургский исторический журнал, 2015. № 3 (7). С. 10-21.
15. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Рсу. яз., 1994. 842 с.
16. Супрун В. И. Владимир и Вольдемар: антропонимическая загадка // XIII Крымские международные Михайловские литературно-онимастические чтения: Матер. конф. / Гл. ред. А. В. Петров; ответ. ред. В. М. Калинин. Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 12-18.
17. Супрун, В. И., Данилов, А. В. Двусоставные имена как важный этап индоевропейской антропонимии // Ономастика Поволжья: матер. XV Междунар. научн. конф. / Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна, Арзамас, 2016. С. 27-31.
18. Толстая С. М. Двусоставные антропонимы в праславянском языке // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 9-32.
19. Jovičević R. O poreklu slovenskih hipokoristika tipa MIRO, DRAGO // Зборник Шесте Југословенске ономастичке конференције. Београд: Српска АНУ, 1987.
20. Karbusický V. Bájé, mýty, dějiny. Nejstarší české pověsti v kontextu evropské kultury. Praha, 1995.
21. Milewski T. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1957. T. 16. S. 37-69.
22. Riché P. The Carolingians: A Family Who Forged Europe / Transl. from the French by M. I. Allen. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. XIX, 398 p.
23. Sázava: památník staroslověnské kultury v Čechách / Kv. Reichertová, E. Bláhová, V. Dvořáková, V. Huňáček. Praha: Odeon, 1988. 456 s.
24. Třeštík D. *Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530-935)*. Praha: Nakl-ví Lidové noviny, 1997. 658 s.
25. Wenzel W. Studien zu sorbischen Personennamen. T. 1: Systematische Darstellung. Bautzen: Domovina-Verlag, 1987. 175 S.
26. Wyrozumski J. Wielka historia Polski. Tom 2: Dzieje Polski Piastowskiej (VIII w. – 1370). Kraków: Fogra, 1999. 400 s.
27. Živković T. Forging unity: the South Slavs between East and West: 550-1150. Belgrade: Inst. of history, 2008. XXXIV, 350 s.